

В.П.Сударев

Латинская Америка в новом геополитическом измерении

В статье рассматриваются крупные геополитические сдвиги, произошедшие в Западном полушарии в начале XIX в. Особое внимание уделяется перегруппировке сил, кризису одних и появлению новых межгосударственных образований, что существенно меняет политическую карту региона. Данный процесс порой приобретает конфликтный характер, что ведет к реанимации старых и возникновению новых разделительных линий в этом районе мира.

Ключевые слова: межамериканская система, Б.Обама, Вашингтон — Гавана, обострение на американо-мексиканской границе, США — Бразилия, перспективы России.

Латинская Америка во многом в силу своего периферийного положения не пользовалась особым вниманием классиков геополитики конца XIX — первой половины XX в. Основоположники этой весьма своеобразной науки Рудольф Челлен, Фридрих Ратцель, Хэлфорд Джон Маккиндер, Саул Коэн, Карл Хаусхофер и ряд других, а также современные авторы Самюэль Хантингтон, Фрэнсис Фукуяма в своих построениях затрагивали Латинскую Америку лишь вскользь, заведомо отведя ей роль «безнадежной периферии» мировой политики. Лишь Хантингтон упомянул о возможности поступательного развития латиноамериканской цивилизации и необходимости интегрировать этот регион в западный мир. Хаусхофер в межвоенные десятилетия XX в. писал об идее меридиональных континентальных блоков, например, таких, как США — Латинская Америка, впрочем, предсказывая им недолгое существование, так как вторая половина XX в., по его представлениям, станет временем безраздельного господства Соединенных Штатов. Фукуяма, говоря о новых «ядрах», вокруг которых будут вращаться все регионы Земли, упомянул американское пространство, включив Северную и Южную Америку в одну финансово-промышленную зону. Наконец, следует упомянуть теорию морского могущества американского адмирала

Владимир Петрович Сударев — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (v.sudarev@mtu-net.ru).

Альфреда Мэхэна, который еще в начале XX в. обозначил Карибский бассейн как естественную геополитическую зону влияния США.

Несомненно, какие-то характерные особенности влияния географического фактора на сформированную еще в XX в. структуру международных отношений выявить все же возможно, тем более, если мы пристальнее всмотримся в карту полушария под углом зрения политического и экономического потенциала расположенных на ней государств.

Так, например, нависающий над Карибами и Центральной Америкой такой гигант, как Соединенные Штаты, а также их 3-тысячекилометровая граница с соседней Мексикой — это те данности, которые изначально предопределили этому субрегиону судьбу исторически первого объекта геополитической экспансии США в начале прошлого века, получившего еще в то время определение «мягкое подбрюшье» североамериканского гиганта.

Ведущие южноамериканские государства еще с первой половины прошлого века стали выстраивать собственные геополитические оси. В этом особенно выделялись соперничавшие друг с другом Бразилия и Аргентина. Причем их оси перекрещивались (например: Бразилия — Боливия — Чили и Аргентина — Перу,). И в результате этого был не только поставлен «жирный крест» на любых интеграционных усилиях, предпринимавшихся с 60-х годов XX в., но и в ряде случаев обострились территориальные споры, которые, как паутина, опутали Латинскую Америку.

Контуры нового многополюсного мироустройства не просто нашли самый позитивный отклик в правящих элитах ведущих государств Латинской Америки, но и непосредственно отразились на их дипломатической практике. «Мозговые центры» ведущих государств начали выстраивать новые геополитические конструкции, причем не только в рамках региона. Нося несколько хаотичный характер, эти построения в виде либо геополитических осей, либо объединений и союзов, имея разные векторы, неоднократно накладывались друг на друга, образуя своеобразную «многослойную структуру», заметно усложняя анализ ситуации.

Тем не менее постараемся разобраться в сложившейся геополитической мозаике. И начнем с главной — межамериканской системы, в течение более полувека несущей конструкции международных отношений в Западном полушарии. Напомним, что рождаясь «в муках» многочисленных пан-американских форумов межвоенных десятилетий, она в конце 40-х годов предстала в качестве первой региональной организации послевоенного мира, состоявшей из двух основных компонентов — Межамериканского договора о взаимной помощи (El Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca, TIAR) 1947 г. и спустя год созданной Организации американских государств (ОАГ). «Холодная война» оказала сильное деформирующее влияние на систему, существенно ограничив изначально заложенный в ее уставе демократический потенциал и нередко ставя ее на грань распада.

После завершения межблокового противостояния и, казалось бы, обретя «новое дыхание» в начале 90-х годов прошлого века, система, тем не менее, получила ряд серьезных «пробоин». По сути, несмотря на попытки

США и ряда латиноамериканских стран после событий 11 сентября 2001 г. реанимировать TIAR либо создать новую систему региональной безопасности, направленную на борьбу с международным терроризмом, этого так и не произошло. Слишком разные подходы к данной проблеме были у США и ведущих государств региона, которые не просто не одобрили войну в Ираке, но и резко выступили против подобных действий в обход ООН. Участь же TIAR, фактически предрешенная еще в 1982 г. во время англо-аргентинского конфликта из-за принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов, была фактически окончательно решена. Начался процесс денонсации договора, который возглавила Мексика.

Однако главным ударом стал отчетливо обозначившийся к 2005 г. провал суперпроекта Общеамериканской зоны свободной торговли (Acuerdo de Libre Comercio de las Américas, ALCA), в продвижении которого администрация Дж. Буша-младшего нередко использовала политику «hard power», что часто имело эффект бумеранга. Бразилия, Аргентина, Венесуэла и ряд других стран, не без оснований аргументируя свою позицию тем, что США стремятся максимально «открыть» латиноамериканские рынки, между тем сами все шире используют протекционистскую практику, по существу заблокировали принятие даже облегченного варианта ALCA («ALCA light»), т.е. по сути договора о намерениях, что окончательно подтвердилось на саммите Америк в Мар-дель-Плата (Аргентина, октябрь 2005 г.).

Другая кризисная ситуация возникла в июне 2009 г. в Гондурасе, где в «лучших» традициях Латинской Америки середины прошлого века военные совершили государственный переворот, затолкав в самолет и отправив за пределы страны законно избранного президента страны М.Селайю. А ведь еще в начале 90-х годов прошлого века в рамках ОАГ началось создание по-своему уникальной «системы безопасности демократии», завершившееся подписанием в сентябре 2001 г. Демократической хартии. Суть разработанного механизма сводилась к применению разнообразных санкций в отношении стран, где нарушается конституционный строй и подвергается опасности демократическое устройство.

Однако, несмотря на протесты большинства государств региона (свергнутый президент, тайно вернувшись в страну, нашел в течение нескольких месяцев убежище в посольстве Бразилии в Гондурасе), «механизм безопасности демократии» на момент написания работы так и не сработал. Несмотря на немалые посреднические усилия группы латиноамериканских лидеров во главе с генеральным секретарем ОАГ М.Инсульсой по восстановлению конституционного строя, межамериканское сообщество по существу так ничего и не добилося.

Безусловно, немалую роль сыграла весьма двусмысленная позиция Вашингтона. Изначально Белый дом в необычно резкой форме охарактеризовал происшедшее как «военный переворот» и потребовал восстановления свергнутого президента в прежней должности, тем самым спровоцировав сильную волну критики консерваторов в свой адрес «за поддержку левого президента»¹. Более того, администрация Б.Обамы, находясь под прессин-

гом республиканцев, обвинявших Белый дом в симпатиях к свергнутому президенту, проявила определенную беспомощность в ситуации с военным переворотом в этой стране. Формально осудив переворот и приостановив экономическую и военную помощь Гондурасу, американский президент под давлением республиканцев так и не смог добиться восстановления свергнутого президента.

Более того, несмотря на критику подавляющего большинства латиноамериканских государств, заявивших о нелегитимности президентских выборов в ноябре 2009 г., администрация Обамы, также изначально объявившая об их непризнании, в последний момент неожиданно совершила разворот на 180 градусов и признала их результаты. По всей видимости, сработал принцип целесообразности, который уже превратился в неотъемлемую часть современной политической культуры американских правящих верхов.

Фактически вхолостую сработала и попытка ОАГ отменить введенные полстолетия назад санкции в отношении Кубы и восстановить ее членство в этой организации. В мае 2009 г. накануне Консультативного совещания министров иностранных дел стран — членов ОАГ было подготовлено сразу три варианта резолюции, которую могли бы принять министры. Их авторами были Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика. Причем никарагуанский вариант даже предусматривал своеобразное покаяние ОАГ перед Кубой за «несправедливо наложенные санкции». На сессии Генеральной Ассамблеи ОАГ в Гондурасе (6—8 июня 2009 г.) единогласно было принято решение об отмене резолюции 1962 г., приостанавливающей членство Кубы в этой организации, и установлении процедуры возвращения в случае, если Куба того пожелает. Однако ситуация выглядела весьма двусмысленно, в первую очередь из-за того, что сама Куба категорически отказывалась возвращаться в эту «империалистическую организацию». Кубу в свойственной ему экстравагантной манере поддержал У.Чавес, заявивший в мае 2009 г. о готовности в знак солидарности с Островом Свободы выйти из ОАГ.

Другим фактором, впервые обозначившимся еще в 70-е годы прошлого столетия, стала своеобразная минигонка вооружений, развязанная военными режимами региона, которые в условиях эмбарго на поставку диктатурам Южного конуса современной боевой техники, введенного администрацией Дж.Картера в 1977 г., приступили к масштабным закупкам вооружений у западноевропейских конкурентов. Попытки США, используя политические рычаги, затормозить этот процесс уже тогда ни к чему не привели².

Еще меньшее влияние на этот процесс Вашингтон стал оказывать в начале XXI в., когда в Латинской Америке вновь началось масштабное переоснащение вооруженных сил новой техникой. Причем лидерство принадлежало отнюдь не Венесуэле за счет закупок российского оружия и техники. В 2009 г. первое место заняла Бразилия, закупки вооружений которой возросли на 16%; на их покупку было затрачено 27,1 млрд долл. На втором месте оказалась Колумбия (10 млрд и рост на 11 %, соответственно), на третьем — Чили (5,7 млрд) и лишь на пятом месте — Венесуэла (3,2 млрд долл.). Учитывая, что в регионе существует целый ряд неразрешенных территориальных споров, это вызывало

немалую напряженность между соседними государствами: например, между Венесуэлой и Колумбией, Перу и Чили, Никарагуа и Коста-Рикой и др.

В целом же возглавляемая Соединенными Штатами межамериканская система не просто теряла динамику: явственно обозначились признаки ее фрагментации и вступления в фазу постепенного распада. Об этом, в частности, свидетельствовало появление альтернативных вариантов структуры международных отношений в этом районе мира.

В этой связи в первую очередь привлекает внимание новая широкообластная инициатива, с которой в 2005 г. выступила Бразилия. Президент этой страны Луис Инасио Лула да Силва выдвинул проект формирования в Южной Америке автономного полюса мировой политики — Союза южноамериканских государств (Unión de las Naciones del Sur, UNASUR). Более того, в его рамках было предусмотрено создание собственного Совета обороны. Это в еще большей степени поставило под вопрос будущее ОАГ. Напомним, что существующий в ее рамках Межамериканский совет обороны больше чем за полвека, по сути, так и не превратился в дееспособный орган.

Более того, принято решение о создании базы UNASUR в Антарктиде, регионе, который может в ближайшие десятилетия превратиться в арену столкновения интересов целой группы государств. И ее пока еще недоступные недра, по расчетам специалистов исключительно богатые природными ископаемыми и, главное 70% питьевой воды мира, уже привели к тому, что ряд стран как бы «расчертил» свои сектора в Антарктике, в целом ряде случаев «накладывающиеся» друг на друга.

Тенденция к формированию общеконтинентальных структур без участия США и Канады получила дальнейшее развитие на саммите лидеров Латинской Америки и Карибского бассейна в Канкуне (Мексика, февраль 2010 г.) На форуме было принято решение о создании единой интеграционной группировки — Сообщества латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELC). Вместе с тем, к оценке перспектив превращения нового объединения в полноценную международную организацию следует подходить весьма осторожно. Необходимо учитывать и громадную разницу в уровнях развития входящих в нее государств, и наличие конфликтов между странами-членами, в том числе и на почве территориальных споров.

Политика же Вашингтона, не выдвигающего никаких общерегиональных инициатив, все больше распадалась на отдельные блоки двусторонних отношений с государствами, имевшими для США особое геополитическое значение. Именно по этим нескольким направлениям в политике администрации Обамы по крайней мере просматривалось хоть какое-то креативное начало.

Традиционно своеобразный геополитический узел представляли собой кубино-американские отношения. Этот конфликт, казалось бы порожденный «холодной войной», уже пережил более двух десятилетий после ее окончания и, как представляется, далек от завершения. Следует отдать должное Обаме, который в ходе предвыборной кампании и особенно на ее заключительном этапе сделал ряд заявлений, которые были весьма пози-

тивно восприняты в регионе. Он заявил, в частности, об отмене ограничений на перевод американцами денежных средств своим кубинским родственникам, а также числа поездок на Кубу, введенных администрацией Дж.Буша в 2004 г. Президент практически выполнил все свои предвыборные обещания и начал диалог на высоком уровне по вопросам миграции, возобновления почтовой связи и ряду других. Тем не менее, отношения с Кубой по-прежнему напоминали своеобразные «качели»: миниразрядки сменялись очередным обострением «словесной войны». Так правительство Р.Кастро, выдержав почти месячную паузу после объявленных Обамой послаблений, заявило, что эти меры явно недостаточны и фактически не затрагивают продолжающуюся вот уже почти 50 лет политику экономического эмбарго. Со своей стороны «шаг назад» сделал и Обама, заявивший, что диалог с кубинскими властями возможен лишь в случае конкретных шагов по продвижению Кубы к демократии. В возобновившуюся «словесную войну» внесла свою лепту и новый госсекретарь Х.Клинтон, отметившая на слушаниях в конгрессе, что «конец режима братьев Кастро близок как никогда».

Новое ужесточение политики Обамы произошло в начале 2010 г. Сторонники либерализации отношений с Кубой, и в первую очередь фермерское лобби в конгрессе, уже подготовившее законопроект, запрещающий президенту наказывать американских граждан за поездку на Кубу и облегчающий торговлю с этой страной, неожиданно получили «удар в спину» с кубинской стороны. В конце февраля 2010 г. после двухмесячной голодовки скончался один из кубинских заключенных. Это вызвало резкую реакцию американских властей, в том числе и непривычно жесткие заявления Обамы. Естественно, законопроект был отложен. Более того, в апреле 2010 г. Обама распорядился разморозить замороженные в декабре 2009 г. 46 млн долл. на поддержку кубинских диссидентов, что привело к очередному обострению отношений с Кубой.

Определенное смягчение отношений началось с июля 2010 г. после того как в результате посреднических усилий Ватикана, кубинского кардинала Х.Ортеги и министра иностранных дел Испании М.Моратиноса кубинские власти начали процесс депортации из страны политических заключенных, подавляющее большинство которых было арестовано в марте 2003 г. Однако, подобная миниразрядка, как это неоднократно бывало в прошлом, могла оказаться временной, тем более что все более частые публичные появления Ф.Кастро — явного противника нормализации отношений с Вашингтоном — главным образом направлены на то, чтобы продемонстрировать, кто на самом деле принимает решения на Кубе.

Обама со своей стороны уже, по-видимому, готовящийся к промежуточным выборам к конгресс в ноябре 2010 г., выступая 19 октября 2010 г. в Белом доме перед испаноговорящими журналистами, заявил, что Куба пока не предприняла достаточных мер по демократизации и, в частности, освобождению политзаключенных, чтобы США могли двигаться дальше по пути либерализации отношений.

Вместе с тем привлекает внимание уже вторая после 2002 г. поездка на Кубу в марте 2011 г. экс-президента США Дж.Картера и его встреча как с Р.Кастро,

так и с группой диссидентов. Напомним, что в выступлении в Гаванском Университете во время первого визита Дж.Картер отметил, что США как более сильная сторона должны первыми сделать шаг к примирению. Как представляется, Дж.Картер, заявивший, что он отправился на Кубу не по своей инициативе, а предварительно проконсультировавшись с Х.Клинтон и с руководством Совета по национальной безопасности, и причем совсем не для того, чтобы добиться освобождения А.Гросса, как опытный переговорщик действительно может внести немалый вклад в нормализацию двусторонних отношений

В «головную боль» для Вашингтона превращалось беспрецедентное нарастание напряженности на границе США с Мексикой, вызванное настоящей войной между мексиканскими наркокартелями и правительственными силами, что потенциально способно затмить собой и Ирак, и Афганистан. Появились признаки «колумбизации» этой страны, что вскоре может превратиться в реальную угрозу национальной безопасности США. Это, в свою очередь, будет во все возрастающей степени сковывать активность Вашингтона на других региональных направлениях.

В северных районах Мексики уже несколько лет, причем по нарастающей, идет настоящая война между наркокартелями и введенными туда воинскими подразделениями, унесшая с 2006 г. жизни почти 28 тыс. человек, в том числе более 80 американских граждан. Очевидна неспособность мексиканских властей сдержать волну беспрецедентного роста преступности, которая в перспективе может перекинуться на пограничные штаты США. А такое экстремистское предложение, как, например, «минирование границы с Мексикой», высказанное республиканским кандидатом Т.Муллином на выборах в конгресс в ноябре 2010 г., лишь «подливало масла в огонь», обостряя и без того сложные двусторонние отношения.

Надо отдать должное Обаме, который первым из американских президентов признал ответственность США за происходящее в соседней стране, так как наркокартели вооружаются главным образом за счет контрабанды оружия из американских штатов. Администрация демократов приняла решение в предстоящие два года продолжить финансирование «Плана Мерида», по которому Вашингтон ежегодно, начиная с 2007 г., выделяет Мексике сотни миллионов долларов на реформу сил безопасности. Однако высокий уровень коррупции в руководстве антинаркотического ведомства этой страны, а также в армейской верхушке резко снижают эффективность предпринимаемых мер. Гипотетически это, в свою очередь, может привести к прямому вмешательству Вашингтона в конфликт с непредсказуемыми последствиями. По крайней мере, принятое Обамой решение о размещении на границе с Мексикой 1200 национальных гвардейцев подтверждает вероятность такого сценария. Высокопоставленные чины, занимающиеся вопросами национальной безопасности при президенте США, уже неоднократно высказывали мысль о том, что не исключают возможность объединения Аль-Каиды с самым влиятельным мексиканским наркокартелем ZETA, который уже создал свои опорные точки в соседней Центральной Америке.

Подтверждением своеобразного признания Соединенными Штатами растущего ограничения собственных возможностей стал интенсивный поиск стратегического партнерства с Бразилией, наглядно проявившийся во время визита Обамы в эту страну в марте 2011 г. В его основе лежало стремление переложить на очевидного лидера региона часть ответственности за стабильность и управляемость ситуации. Эта тенденция обозначилась еще в последние годы правления республиканской администрации, когда США предложили южноамериканскому гиганту совместно возглавить общерегиональный энергетический проект по производству биотоплива — этанола, причем с использованием именно бразильских технологий. Напомним в этой связи, что Лула был первым региональным лидером, которого Обама принял после своего избрания, причем бразильский президент говорил от имени всего региона.

Более того, во время визита Обама не скрывал намерения заручиться обещанием Бразилии предоставить доступ США к недавно открытым крупным месторождениям нефти на континентальном шельфе этой страны. При этом речь шла не только об участии американских компаний в добыче нефти, но и о гарантиях ее масштабных поставок в Соединенные Штаты.

Тем не менее говорить о формировании новой геополитической оси Вашингтон — Бразилия пока преждевременно. Во все более рельефно просматривавшейся в американо-бразильских отношениях формуле «сотрудничество — соперничество» последняя ее составляющая опережала первую. Это отчетливо проявилось в противоречиях, возникших по конкретным вопросам: переворот в Гондурасе, иранская ядерная программа, отношения с Кубой и ряд других. Напомним и об инициативе Бразилии по созданию UNASUR.

В опубликованной 15 августа 2010 г. статье министр иностранных дел Бразилии С.Аморим подверг резкой критике продолжающуюся в США практику «выставления оценок» странам по вопросам соблюдения ими прав человека, заявив, что верховным арбитром в этой области может быть ООН и никто больше³.

Не в пользу взаимодействия с США могут сыграть и все более отчетливо возрастающие глобальные амбиции южноамериканского гиганта, стремящегося в течение предстоящих десятилетий превратиться в великую державу. В своих внешнеполитических интересах страна уже вышла за региональные рамки. Об этом свидетельствуют не только открытое столкновение с США по Ирану в ООН, активность в рамках группы BRIC*, желание обрести геополитическое лидерство в южной части Атлантического океана путем наращивания военно-морской мощи, а также порой нередко встречающиеся высказывания лидеров страны о заинтересованности вхождения Бразилии в «ядерный клуб».

В целом Бразилия в последние годы успешно освоила роль второго центра силы Западного полушария, а само его геополитическое пространство

* На очередном саммите в китайском курортном местечке Санья в апреле 2011 г. к BRIC официально присоединилась ЮАР (Sudáfrica), что заметно усилило экономический и политический потенциал объединения, теперь уже именуемого BRICS.

все больше делится на две части. Центральная Америка и Карибский бассейн вслед за Мексикой через механизмы Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и Соглашения о свободной торговле между США и центральноамериканской «пятеркой» (САФТА) все активнее втягиваются в американскую «экономическую воронку». Государства, сгруппировавшиеся вокруг Бразилии в рамках UNASUR, наоборот стремятся не только укреплять связи между собой, но и создавать внерегиональные механизмы сотрудничества.

Тем не менее визит Обамы и его встречи с новым президентом Бразилии показали растущую заинтересованность обоих государств в стратегическом партнерстве, тем более что Дилма Руссефф демонстрировала куда более мягкий дипломатический стиль, чем ее предшественник, даже не явившийся на прием по случаю визита президента США. Для Бразилии главная цель — это стать постоянным членом Совбеза ООН при его расширении, а позиция США в этом вопросе может сыграть решающую роль. Именно поэтому бразильская сторона в ходе визита стремилась максимально сгладить противоречия, обозначая заинтересованность в углублении диалога.

Одним из наиболее заметных явлений первого десятилетия XXI в. стал так называемый «левый дрейф» в латиноамериканском регионе, когда в считанные годы в целой группе стран к власти, причем вполне легитимным путем, пришли левонационалистически ориентированные лидеры. Соединенные Штаты были не в силах что-либо противопоставить этому явлению, потому что, во-первых, не знали, как, а во-вторых, — просто не могли одновременно реагировать на несколько «горячих точек», возникших в зоне их традиционного влияния

Однако «левый поворот» имел весьма неоднозначный эффект. Он спровоцировал очевидное размежевание между режимами, объединяемыми, на наш взгляд, не самым удачным и, главное, не слишком научно обоснованным общим понятием «левые». При этом весьма четко обозначились две группировки: леворадикальная во главе с Венесуэлой и Кубой и социал-демократически ориентированная, возглавляемая Бразилией, Аргентиной и Чили. Если в первые годы после «прихода левых» перспектива для них выглядела достаточно оптимистично, порождая надежды, что «латиноамериканское единство», о котором столько говорили на протяжении почти двух столетий, наконец-то реализуется на практике, то в реальности это привело к появлению новых разделительных линий в регионе, существенно осложнив общую геополитическую картину.

Это выразилось в кризисе существовавших интеграционных группировок латиноамериканских стран и в появлении новых. Ведущую роль в этих процессах сыграл наиболее леворадикальный режим Чавеса в Венесуэле. Несмотря на то, что официально венесуэльский президент «поднял знамя» С.Боливара, ратуя за воплощение в жизнь его идеи единства стран региона, Чавес начал активную перекройку существовавших интеграционных схем, по существу разрушая некоторые из них. Так, Венесуэла в 2003 г. заявила о выходе из «группы трех» (Мексика, Колумбия и Венесуэла); в 2005 г. — о

выходе из Андского сообщества наций (Колумбия, Эквадор, Боливия и Венесуэла), мотивируя это тем, что обе группировки основаны на неолиберальных рыночных принципах, в то время как Венесуэла встала на путь построения «социализма XXI века».

В декабре 2004 г. совместно с Кубой Венесуэла провозгласила создание принципиально нового интеграционного объединения — Боливарианской альтернативы для Америк (Alternativa Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA)⁴ как альтернативы Общеамериканской зоне общей торговли (Acuerdo de Libre Comercio de las Américas, ALCA), переговоры по которой в тот момент как раз вступали в завершающую стадию. Первоначально объявленные цели нового объединения выглядели весьма расплывчато и туманно. Провозглашались некапиталистические принципы отношений, основанные на экономической взаимодополняемости и взаимной солидарности.

В ноябре 2010 г. государства — члены ALBA приняли решение о создании на территории Боливии собственной военной структуры — Школы вооруженных сил, которая, как отметил президент этой страны Э.Моралес, станет альтернативой ежегодно собираемым для учений под флагом Южного командования вооруженных сил США латиноамериканских воинских контингентов «для обучения военным переворотам».

В начале десятилетия Венесуэлой была создана и организация «Petrocaribe», призванная обеспечивать нефтью на льготных условиях малые карибские государства и соответственно превратить Карибский бассейн в зону своего геополитического влияния, к чему Венесуэла стремилась на протяжении второй половины XX в.

Однако не все планы Чавеса по расширению влияния в регионе реализовались. Так, несмотря на принятое еще в 2006 г. решение присоединиться к самой мощной интеграционной группировке Латинской Америки — Общему рынку стран Южного Конуса (Mercado común del Sur, Mercosur)⁵, на середину 2010 г. оно так и не было выполнено. Хотя геополитически и, главное, экономически это несло очевидные выгоды (у Mercosur появлялось бы мощное «энергетическое плечо»). Процесс превращения Венесуэлы в полноправного члена этой организации явно застопорился. Причиной этого стали не только мало скрываемые Чавесом амбиции стать лидером группировки, но и его заявления о том, что если «этот Mercosur нас не устраивает, мы с ним покончим и создадим новый Mercosur»⁶.

Перегруппировки происходили и в менее значительных межгосударственных образованиях, будущее которых еще несколько лет назад казалось вполне стабильным. Так президент Панамы Р.Мартинелли 24 октября 2010 г. заявил о прекращении членства своей страны в Центральноамериканском парламенте (Parlamento Centroamericano, PCA). Причиной, на его взгляд, стало невыполнение PCA «никаких» возложенных на организацию функций.

Согласимся, что в принципе ситуация для Вашингтона могла бы быть значительно хуже, если бы Латинская Америка выступала «единым фронтом». В данном же случае появлялась возможность «точечными ударами»

раскалывать так до конца и не сформировавшийся «единый фронт» и гасить напряженность в отношениях с отдельными странами, чем США, тем не менее, в силу ограниченности собственных политических ресурсов почти не воспользовались.

Как представляется, тенденция к формированию в Западном полушарии двух центров силы в предстоящие два десятилетия будет набирать обороты. Этому в немалой степени может способствовать все более рельефное присутствие в Латинской Америке как традиционных внерегиональных партнеров (ЕС, Япония), так и относительно новых акторов, в первую очередь КНР, а также России, Индии, ЮАР и Ирана.

Активное наступление Китая заслуживает особое внимание. Еще несколько лет назад демонстративно стремясь проводить в латиноамериканском регионе политику «низкого профиля», в последние годы КНР не скрывает своих экономических и политических амбиций. Ставка делается на ресурсообеспеченные страны — Бразилию, Аргентину, Венесуэлу, Боливию. При этом привлекает внимание не только динамика проникновения на латиноамериканские рынки (за прошедшее десятилетие объем торговли возрос почти в десять раз). На саммите АТЭС в Сантьяго (Чили, 2004 г.) китайский лидер Ху Цзиньтао заявил о намерении инвестировать в этот регион в предстоящие десять лет 100 млрд долл.

Формирование мощного геополитического «моста» между «поднебесной» и южноамериканскими гигантами, предусматривающего создание трансокеанских коридоров с использованием в качестве своеобразной тихоокеанской платформы Чили и Перу, — лишь вопрос времени. Это может не только заметно повлиять на физическую интеграцию региона, но и в целом повысить его экономический и политический статус в мировой иерархии. В немалой степени этому будет способствовать и вступление после саммита в Мадриде (апрель 2010 г.) в новую фазу евро-латиноамериканских отношений. ЕС стремится также выйти на уровень стратегического партнерства между двумя регионами, и в первую очередь с наиболее мощной интеграционной группировкой — Mercosur, о чем свидетельствует принятое решение о возобновлении после почти десятилетней паузы переговоров о формировании экономического союза.

Не следует забывать и созданном еще в начале 90-х годов Иberoамериканском сообществе (Comunidad Iberoamericana de Naciones, CIAN) в составе 19 латиноамериканских стран и трех иберийских (Испания, Португалия и Андорра). На XV саммите сообщества в Саламанке (Испания, 2005 г.) была окончательно оформлена его структура. В целом CIAN может рассматриваться как одна из конструкций «атлантического моста» между двумя регионами.

Однако CIAN работает с немалыми сбоями. Так, на последнем юбилейном XX саммите, прошедшем в начале декабря в Мар-дель-Плата (Аргентина), отсутствовали и король Испании, и впервые премьер-министр Испании, а также практически все лидеры стран — членов ALBA за исключением президента Эквадора Р.Корреа. Все в основном свелось к борьбе вокруг предложенной министрами иностранных дел Боливии, Кубы и Венесуэлы

антиамериканской революции, так и не принятой благодаря усилиям президентов Аргентины, Мексики и Чили. В результате заранее объявленная центральная тема форума «Образование как фактор социальной включенности», по сути, так и не была затронута.

При этом Европейский союз активно работает и на «поле соперника», стремясь нарастить свои позиции и в «мягком подбрюшье» Соединенных Штатов — Центральной Америке и Карибском бассейне, интенсифицируя структуру связей, которая стала складываться еще в 80-е годы XX в.

Относительно новым игроком на «латиноамериканском поле» постепенно становится Иран. Эта страна подчеркнуто расширяет контакты с наиболее антиамерикански настроенными режимами и в первую очередь с Венесуэлой и Боливией. Ахмадинижад уже четыре раза посещал Венесуэлу, с которой заключено больше 60 соглашений о сотрудничестве в самых различных областях, начиная от энергетики, военно-технического обмена и заканчивая строительством Ираном в Венесуэле социального жилья для наиболее бедных слоев населения. Появившиеся в печати сведения о возможности передачи Ираном Венесуэле ядерных технологий пока не подтвердились, хотя и вызвали резкую реакцию ряда западных стран, в частности Франции.

Не будем забывать и о несостоявшейся бразильско-турецкой операции по переработке иранского ядерного топлива, признанного неприемлемым ведущими ядерными державами. Напомним в этой связи о том, что Бразилия как непостоянный член ГА ООН голосовала против резолюции, ужесточающей санкции против Ирана.

В Боливии Иран уже вложил более 1 млрд долл. в добычу и переработку такого стратегического сырья, как лурий (Боливия занимает первое место в мире по его запасам). Иранские капиталовложения также направляются в сферы здравоохранения и жилищного строительства. Можно ли говорить о формировании силового блока трех стран, о чем, например, писала «Washington Post» в номере от 7 декабря 2010 г.? Скорее, стоит согласиться с формулировкой У.Чавеса, одержимого созданием «оси раздражения» Соединенных Штатов в регионе.

К концу первого десятилетия XXI в. рельефно обозначилась тенденция к усилению позиций России в латиноамериканском регионе (один лишь товарооборот вырос с 5,5 млрд долл. в 2000 г. до 15 млрд в 2008 г.). В предстоящие два десятилетия эта тенденция, очевидно, будет развиваться, чему могут способствовать следующие факторы.

Своеобразное «возвращение» России в Латинскую Америку было во многом продиктовано скорее стремлением целой группы государств региона вновь обрести, благодаря расширению связей с нашей страной, противовес как важный рычаг укрепления своих позиций в условиях конфликтных отношений с США. И хотя политический маятник на латиноамериканском континенте, резко качнувшийся «влево» в рассматриваемый период, может вернуться в нейтральное положение, дивиденды, уже полученные от налаживания партнерских отношений с Россией, вероятно, сыграют роль долговременного фактора.

Усиление позиций России в этом регионе в немалой степени было обусловлено отказом руководства страны от доставшихся в наследство от советской эпохи стереотипов («в таблице о рангах» Латинская Америка традиционно стояла на последнем месте после Азии и Африки), влиявших на внешнеполитическое мышление на протяжении десятилетия «ельцинского периода». В случае сохранения преемственности во внешнеполитических подходах, тем более что смена политических элит в России в ближайшие десятилетия представляется маловероятной, поиск партнерства с государствами континента, скорее всего, будет расширяться.

Сходство или близость позиций России и ведущих стран региона по вопросам укрепления многополярного мира имеет весомые шансы сохраниться. В последние годы российской стороной были предприняты весьма эффективные шаги по созданию в Латинской Америке имиджа «надежного партнера» и преодолению стереотипов негативного восприятия нашей страны, сформировавшихся в «ельцинский период».

Существенны не только те меры, которые способствовали «облагораживанию» структуры российской внешней торговли, но и те, что привели к заметному наращиванию инвестиционных возможностей России в латиноамериканском регионе. Представляется, что в случае расширения государственной поддержки отечественного бизнеса, его интерес к этому региону может обрести долговременный характер.

Определенный оптимизм вселяет и растущее понимание российскими верхами необходимости смещения центра тяжести экономического взаимодействия со странами региона с чисто военно-технической в область научно-технического сотрудничества. Именно в сфере высоких технологий (космос, нанотехнологии, энергетика и др.) Россия наиболее конкурентоспособна. На это во многом был ориентирован последний из визитов президента А.Медведева в Латинскую Америку в апреле 2010 г. Так во время пребывания в Аргентине был подписан впечатляющий пакет документов о сотрудничестве именно в этой области, в том числе предусмотрены миллиардные российские инвестиции в передовые отрасли аргентинской промышленности.

Вместе с тем в ближайшие десятилетия могут продолжать действовать определенные ограничители, нейтрализация которых — одна из главных задач на латиноамериканском направлении. К ним относятся следующие. Россия пока не в полной мере использует такие перспективные «площадки» для увеличения своего политического веса в регионе, как, например, инициированный в начале XXI в. Испанией и Турцией «Альянс цивилизаций». По крайней мере на последнем, третьем по счету саммите этого объединения в мае 2010 г. в Рио-де-Жанейро, на котором присутствовали немало президентов и глав правительств стран-участниц, российская сторона была представлена лишь специальным представителем МИД РФ, участие которого осталось практически незамеченным. А ведь именно Россией, где проживают представители почти ста национальностей, принадлежащих к разным цивилизационным архетипам, накоплен богатейший опыт, что позволяет ей занять лидирующие позиции в этом объединении.

Несмотря на участие России в BRICS, Бразилия остается наиболее слабым звеном российской политики в этом объединении. К сожалению, малоэффективно работает «большая комиссия», созданная еще в 1997 г. Именно с Бразилией стратегического партнерства у России не получается, несмотря на то, что в том же 1997 г. между двумя государствами был подписан соответствующий документ. Во многом это обусловлено фактическим отсутствием у российского руководства отдельной системы приоритетов взаимодействия с южноамериканским гигантом.

Пока Россия слабо конкурирует с другими государствами, предпринимающими немалые усилия по наращиванию своих политических и экономических позиций в Латинской Америке. Да и инвестиционные возможности нашей страны существенно уступают и США, и Китаю, и ЕС.

Образовавшийся в сотрудничестве со странами региона крен в сторону поставок туда системы вооружений сохранять надолго весьма нецелесообразно. Во-первых, реальные возможности продвижения нашей военной техники во многом исчерпаны. Во-вторых, в условиях, когда в Латинской Америке все громче звучат голоса за ограничение закупки вооружений и укрепление мер доверия, Россия может оказаться в невыгодной ситуации, будучи представленной нашими конкурентами как государство, разжигающее гонку вооружений.

Таким образом, в предстоящие десятилетия латиноамериканский регион, и в первую очередь его ведущие государства, в случае укрепления взаимодействия могут стать довольно влиятельными фигурами в мировой политике. Более того, согласно оценкам ряда специалистов, представляющих солидные аналитические центры, в частности отдел Америк испанского банка «Сантандер», в ближайшие десять лет Латинская Америка, опираясь на громадный ресурсный и демографический потенциал, имеет все шансы занять в мировой таблице о рангах более высокое место по сравнению с «нарастающими рынками» Азии и других регионов⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.Селая несколько неожиданно для многих «присоединил» в 2008 г. Гондурас к леворадикально ориентированной ALBA.

² Эмбарго было отменено администрацией Б.Клинтона лишь в 1997 г.

³ El Nuevo Herald. Miami, 16.VIII.2010.

⁴ На 2010 г. в ALBA входили восемь государств: Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Эквадор, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сант-Винсент и Гренадины.

⁵ Основан в 1991 г. Бразилией, Аргентиной, Уругваем и Парагваем. Позднее в качестве ассоциированных членов к Mercosur присоединились Боливия, Чили, Перу и Венесуэла.

⁶ На момент написания статьи конгресс Парагвая так и не ратифицировал упомянутый договор, мотивируя свою позицию «вмешательством режима У.Чавеса во внутренние дела других стран».

⁷ El Nuevo Herald, 06.VII.2010.